

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

ГОЛОВНЕВ Андрей Владимирович

*чл.-корр. РАН, д.и.н., профессор, гл. научн. сотр. Института истории и археологии УрО РАН,
зав. кафедрой Уральского федерального университета, г. Екатеринбург*

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В последние годы «монументальность» культурного наследия размывается потоками релятивизма и постмодернизма. Релятивистский сдвиг выразился в риторике «культурного разнообразия»: согласно Всеобщей декларации ЮНЕСКО 2001 г., «будучи источником обмена, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» (ст. 1). Постмодернистский сдвиг обозначился в тренде «от монумента к жизненной потребности». При этом если прежде основу наследия составляли «осязаемые» (tangible) памятники археологии и архитектуры, то недавно к ним добавились «неосязаемые» (intangible): (1) устные традиции и формы выражения, в том числе язык; (2) исполнительские искусства; (3) обычаи, обряды, празднества; (4) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; (5) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами (Конвенция ЮНЕСКО 2003 г., ст. 2.2).

Монументы остались на месте, но отношение к ним изменилось. Их не миновала участь метанарративов (идеологем) эпохи модерна – переоценка значимости и испытание потребительской практикой. В разбухающих реестрах памятников и в проектах по их использованию выражается не только любовь к традициям, но и культурный консюмеризм. Отмеченный З. Бауманом ментальный дрейф «от пилигрима к туристу» (от модерна к постмодерну) означает переход от мечты к реальности, от долговременной стратегии к оперативной ситуативности, от строительства будущего к продлению настоящего, от романтической любви к пластичной сексуальности, от целостности времени к фрагментации на эпизоды, от вечных ценностей к мгновенному устареванию информации. Жизненная стратегия постмодерна состоит не в фиксации идентичности, а в обретении качества *fitness* – гибкой адаптивности и вариативной идентичности¹.

Пилигрим–турист – не единственная метафорическая ось сегодняшнего дискурса. Изменились и поведенческие стратегии «культуртрегеров» – генераторов и распространителей гуманитарных ценностей. Вчерашний культуртрегер выглядел рыцарем идеи, сегодняшний культур-менеджер больше напоминает участника торгов. Борьба правд сменилась конкуренцией проектов. Статичная идеологема уступила первенство мобильному проекту. Конкуренция множества проектов – стихия постмодерна, и сама конкуренция оказывается метапроектом. Она настроена не на окончательную победу одного из конкурентов, а на их долгосрочный диалог. Если модерн был ареной борьбы за господство (и в этом смысле следовал древней традиции «право победителям и горе побежденным»), то постмодерн обустроил поле многообразия и противоборств. Современности свойственна встречаемость трендов: глобализация vs локализация (глокализация), модернизационная однополярность vs цивилизационная многополярность, монокультурность vs мультикультурность. Постмодерн даже себя позиционирует так, что в его пространстве одинаково удобно быть и его поборником, и его противником.

Среди расшатанных метанарративов модерна оказались и смыслообразующие категории «народ» и «культура». По поводу «наследия» тоже возникают вопросы: «почему?», «зачем?», «что?» (рода, народа, религии, региона, государства). Если осторожность, а порой ирония, в употреблении слова «этнос» среди российских этнологов вошла в обычай, то скепсис одного из итальянских режиссеров относительно слова «культура» (родного для Италии), которое ранит его слух, стал для меня сюрпризом. Речь идет не о персональной идиосинкразии или эпатаже, а о неудовлетворенности категориями, стесняющими «живой смысл». Сегодня в восприятии «культурного наследия» важно не столько его ценностное определение, сколько механизм актуализации в живой реальности (словами П. Бурдьё, переход от *opus operatum* к *modus operandi*).

Реальности постмодерна свойственна сообщаемость различных трендов и проектов. С одной стороны, современный потребитель склонен к пересчету «чудес» в единицах меню и услуг – «ментальность туриста» настроена на потребление, которое «расколдовывает» и обмирщает культурные ценности (прежняя «ментальность паломника» предполагала приобщение, с трепетом и пиететом, к шедеврам культуры). С другой стороны, постмодерн, несмотря на пристрастие к реальности и повседневности, открыл шлюзы «ренессансу сакральности». Навстречу рационализации идет мистификация, включая мифоиндустрию пришельцев и вампиров, триумф юных волшебников в литературе и кино, успех проектов «прорицаний», «исцелений», «сакральных зон», «троп» и т. д. По этому поводу вспоминается размышление Анри Бергсона: религия – это «защитная реакция природы против размывающей силы интеллекта»². Сегодняшний культур-менеджер не испытывает ни малейших затруднений в синтезе рационального и иррационального.

Стихия проектного многоголосия смешивает в информационном поле науку, религию, искусство, политику, предмет, объект, субъект, мотив, императив. О былом уюте ведомственного разделения труда остается только вздыхать. Уместна ли активизация цеха этнографов, этнологов и антропологов в конкуренции за информационное и проектное поле, в том числе культурное наследие? Сегодня идет передел информационного пространства, в котором каждый цех заново позиционирует свой потенциал. Условия конкуренции в инфосфере таковы, что ни один проект не защищен от провала, даже если он опирается на прочные в прошлом основания. Ресурс антропологии как будто прочен и обилен, но именно поэтому он может обернуться «ресурсным проклятием» – торможением творческой и проектной активности.

Один из путей развития антропологии–этнологии состоит в активации гуманитарных технологий. Если методология – способ получения знания, то технология (букв. «учение о мастерстве») – способ его реализации. Методология и технология работают в связке, питая друг друга, обеспечивая прямое сообщение науки и жизни. Разрыв этой связки летален для науки. Поэтому разделение научных знаний на фундаментальные и прикладные, как это было в эпоху модерна, сегодня выглядит анахронизмом. На гуманитарные науки распространяется тезис Р. Кирхгофа «Нет ничего практичнее хорошей теории», выраженный на свой лад антропологом Б. Малиновским: «Если теория истинна, то она одновременно является и прикладной».

Древнейшими гуманитарными технологиями можно считать магию и религию, миф и ритуал. Изначально они были скорее стратегиями действия, чем статичными идеями. По наблюдениям Э. Эванса-Причарда, «для религии важна не рефлексивная составляющая, а моторная; действия рождаются аффективными состояниями»³. Б. Малиновский показал, что миф вкупе с магией – не заблуждение, а реальный инструмент жизненной практики. «Тробрианцы так сильно убеждены в том, что лодка, построенная без магии, будет непригодна к плаванию, медленной в ходу и не принесет удачи в кула, что никому и в голову не придет обойтись без магических обрядов. Согласно туземной мифологии, можно было бы делать даже и летающие лодки, если бы не была забыта необходимая для этого магия»⁴. Свойства религии как гуманитарной технологии оттеняются размышлениями К. Гирца. «Религия – (1) система символов, действующих для (2) утверждения в людях сильных, глубоких и долговременных настроений и мотиваций посредством (3) обоснования концепций общего порядка бытия и (4) облечения этих концепций такой аурой фактов, что (5) настроения и мотивации кажутся необычайно реалистичными». Устанавливая связь между концепцией и мотивацией, религия согласует мирской опыт и создает ауру абсолютной реальности⁵.

Периоды бума гуманитарной науки связаны не с кабинетными озарениями, а с обращением знаний в практику. Все значимые социальные преобразования исходили из гуманитарных проектов. Траектория превращения идеи из утопии в революцию иногда пугающе коротка. Самым впечатляющим примером эффективности гуманитарных технологий новейшего времени служит коммунистический проект. Его технологичность открыто выражалась в тезисе: марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию. Возможно, именно послевкусие от марксизма-ленинизма и его «гуманитарных технологий» вызывает у российских интеллектуалов стойкую неприязнь к практикам. Впрочем, эмоционально-оценочный осадок от коммунистического, нацистского и иных проектов не отменяет значимости гуманитарных технологий. Иногда складывается впечатление, что они давно правят миром, но скрывают это, поскольку маскировка власти является одной из гуманитарных технологий.

Попытки отделить знание от действия, укрыться от практики в схоластике, обернулись сегодня кризисом гуманитарных, в том числе исторических, наук. Возвращение к технологиям неизбежно произойдет и уже происходит. Вопрос лишь в том, кто его инициирует – исследователи-гуманитарии или деятели религии и политики. Гуманитарной науке предоставлен выбор – смиренно лечь на музейную полку или пуститься в изнурительную гонку, от которой она давно отвыкла. Многие гуманитарии, преуспевая в фундаментальных изысканиях, нарочито и по-своему обоснованно дистанцируются от знания-в-действии. В этом случае знания, если не остаются достоянием узкого круга экспертов, интерпретируются и доставляются обществу средствами массовой информации. В антропологии решающая роль посредника – носителя и технолога информации – слишком очевидна, чтобы не обратить на нее особого внимания. Не замещая собой масс-медиа и иные информационные технологии, гуманитарная наука способна максимально полно готовить свой продукт для информационного поля (или рынка) и общественного спроса–потребления. В значительной степени она способна воздействовать на формирование этого спроса.

Синтез гуманитарных знаний и технологий свойствен творчеству ряда выдающихся исследователей прошлого века. Т. Хейердал своими геоантропологическими экспериментами создал новую ментальную модель власти над пространством (в СССР эхо этого эксперимента отозвалось на вкусах и интересах целого поколения – поклонников телепутешествий Ю. Сенкевича); К. Леви-Стросс открыл и популяризовал новый когнитивный алгоритм на основе интерпретации мифологии как кода мировоззрения и мироздания; Д. С. Лихачев предложил социально значимые концепции актуального фонда языка и экологии культуры. Все эти гуманитарные идеи, рожденные как персональные проекты, стали реалиями культуры. Симптоматично, что точки роста современной антропологии тоже генерируются не в ауре созерцательности, а в режиме проектности. Например, конструктивизм служит одновременно академической методологией и гуманитарной технологией,

причем на уровне структурирования национальной идентичности и других значимых гуманитарно-технологических понятий и категорий⁶.

Предложенная мной антропология движения также в значительной степени ориентирована на факторы активности – мотив, персону, проектное мышление, деятельностьную схему⁷. В этом ракурсе субъекты истории и антропологии предстают не исполнителями объективных законов и жертвами внешних обстоятельств, а мотивированными персонами. Антропология движения как методология ориентирована на генерирование историко-антропологического знания о мотивах действия, о соотношении персональной деятельности и социальных эффектов, о потенциале человека в природном и социальном пространстве. В качестве технологии эта методология оборачивается установкой: человек, осознанно корректирующий свою мотивационно-деятельностную схему, обладает усиленным проектным потенциалом. С этим связаны качества идентичности, достоинства и другие характеристики человека-деятели, ради которого и разрабатывается антропология движения.

Активация гуманитарных знаний вовсе не предполагает массового перехода антропологов в политику и реализации мечты Платона об идеальном государстве, которым правят философы. Речь идет о решительном повороте профессионального цеха к широкой аудитории и о новом качестве исследований и публикаций, учитывающих возможности кибер-технологий и «электронной науки» (e-science, e-culture, e-history)⁸. Особого внимания достойны аудиовизуальные и мультимедийные технологии. Если прежде главным носителем гуманитарной информации было слово, то сегодня все большее значение приобретает изображение. Впрочем, современная экспансия визуальной культуры – не инновация, а возвращение древней традиции. Пещерные рисунки в десять раз старше письменности и в сто – печати. Возвращение к изображению как языку исконному, но технологически обновленному, предполагает его специальное гуманитарно-научное освоение.

«Визуализация сердца» считается экспертами главным направлением оптимизации методов кардиологии. Визуализация сознания, персональных мотиваций, этнокультурных явлений, исторических процессов – дает тот же эффект в области гуманитарных технологий. Визуальная культура стала сегодня актуальной долей общекультурного фонда, формируя в человеке новую матрицу мировосприятия, от экранной грамоты до стилизации под экран. Становление новой аудиовизуальной культуры само по себе вызывает к жизни адекватную антропологию. Нынешнее явление визуальности означает своего рода прозрение науки, обретение нового средства коммуникации – языка изображения, доведенного кинематографом за минувший век до всеупотребимости.

Поскольку кино сущностно родственно антропологии, науке о человеке пристало свободно говорить на языке изображения. Киноантропология может открыть новые грани и ракурсы самопознания человека и гуманитарного исследования. Сходства антропологии и кино обнаруживаются не только в методологии, но и в методике. Так называемое включенное наблюдение – их общий исследовательский метод. Ремесло антрополога и историка – монтаж фактов (текстов), подобный монтажу кадров в кинематографе. Законченность действия – канон съемки и монтажа в кино; то же самое – элементарная единица (атом) антропологии движения.

Владение аудиовизуальными методами, наряду с «оживлением» текста, представляется эффективным ресурсом антропологии, в том числе в актуализации культурного наследия. Это развивает собственный стиль и язык гуманитарной науки, еще недавно пытавшейся наукообразить себя за счет средств математики и естествознания. Аудиовизуальность представляется важнейшей сферой гуманитарных технологий, позволяющей не только адекватно транслировать и наглядно представлять факты и их интерпретации, но и на современном уровне включать полученные знания в научный оборот и информационный поток. Инновационные гуманитарные технологии включают, наряду с аудиовизуальными, виртуальные методы сбора данных, проведения публичных и экспертных дискуссий в масс-медиа, коммуникации и публикации посредством интернет-ресурсов. Гуманитарная наука нуждается в расширении исследовательского диапазона и обогащении своего языка, особенно сегодня, когда над ней навис вопрос об адекватности динамичным реалиям.

Примечания

¹ Bauman Z. From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity // Questions of Cultural Identity. Ed. by S. Hall and Hay Paul du. London: Sage Publication, 1996. P. 20–25.

² Bergson H. The Two Sources of Morality and Religion. N.Y., 1956. P. 122.

³ Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии. М.: ОГИ, 2004. С. 41.

⁴ Малиновский Б. Избранное: Аргonautы западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131.

⁵ Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books. A Division of Harper Collins Publishers, 1973. P. 90, 112.

⁶ Тишков В. А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М.: Наука. 2007. С. 558–601.

⁷ Головинёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009.

⁸ Humanities, Computers and Cultural Heritage. Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing (AHC) 14–17 September 2005. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005. P. 3.